

P2 Яр
Б24

24 ЧАСА
ИЗ ЖИЗНИ
ТАТЬЯНЫ

единство-экз. № ЦБС.

105

ИРИНА БАРИНОВА

P2 Яр
Б 24

*Двадцать четыре часа
из жизни Татьяны*

РАССКАЗЫ

Издательский отдел
малого коллективного предприятия
«ХРОНОС»

Ярославль — 1991

73.285-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Райка	3
Вишшенка	10
Царевна-лягушка	15
И стоило жить	20
Встреча	27
Банальная история	38
Все это было бы смешно	44
24 часа из жизни Татьяны	54
Об авторе	61

БАРИНОВА ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

24 ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ТАТЬЯНЫ

Сборник рассказов

Редактор **Ю. П. БЕЛЯКОВ**

Технический редактор **Р. Н. УСАЧЕВ**

Сдано в набор 28.02.91. Подписано в печать 22.03.91.
Бумага газетная марки «В». Гарнитура «литературная».
Печать высокая. Тираж 5000. Усл. п. л. 2. Заказ 690.
Цена 1 руб.

Издательский отдел малого коллективного предприятия «Хронос» (г. Ярославль, ул. Чехова, 43-б).

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ярославского облисполкома. г. Ярославль, ул. Республиканская, 61.

РАЙКА

Райка была непутевой. Таких, как она, обычно называют непечатным словом, которое частенько прилипает навсегда. Она знала, что о ней говорят, но только посмеивалась и бесшабашно махала рукой — «Пусть!».

Она была вызывающе бесстыдной. Очередной ее хахаль обалдело моргал глазами, когда она, долго не раздумывая, сбрасывала с себя все до последней ниточки и представала перед ним в чем мать родила, даже ничуть не порозовев от смущения. А собственно, чего ей было стесняться? Смуглой гладкой кожи? Груды, которой позавидовала бы и Венера Милосская? Упругого живота? Она знала, что хороша. Поэтому наготы своей не стыдилась и в объятия новой «жертвы» шла бесстрашно. Ее поцелуи сводили с ума, ласки были неистовы. Затянувшееся девичество взорвалось неожиданной страстью, ненасытностью. Истосковавшись по нежности, она стала отдавать себя далеко не избранным.

А мужики к ней так и лили, слетались, словно мухи на мед. Пик ее бурной жизни приходился на лето. Местом «охоты» был

пляж, на котором Райка чувствовала себя королевой. Стройная, загорелая, в белом купальнике, который еще больше подчеркивал гладкую смуглость кожи и прикрывал только то, что уж никак нельзя открыть, легко ступая на носках, чтобы ноги казались еще длиннее, она прохаживалась по берегу и удовлетворенно замечала: все смотрят только на нее. И если она захочет, то уйдет с пляжа с тем блондином в очках, или с тем поджарым усачем, или с тем солидным дяденькой, который годится в отцы.

А вот зимой Райка хандрила. В стужу декольтированное платье не наденешь, поэтому зимой она была, как все. И даже похуже некоторых. Купить шикарную шубу или экстравагантную дубленку было не по карману — приходилось довольствоваться простеньким пальтецом с песцовым воротником и шапкой из искусственного меха. К тому же Райка не выносила холода, лицо ее на морозе становилось бледно-зеленым, а нос краснел. На работе покрасоваться было не перед кем — коллектив бабий, ходить на танцы — возраст вышел. Так что зимой круг поклонников заметно сужался. И Райка тосковала. Но тосковала не по мужским объятьям, а по ребенку, которому она не позволила появиться на свет. Частенько она плакала тайком и чувствовала себя очень несчастной.

В один из таких припадков тоски Райка, неожиданно для знакомых, родственников и самой себя, вышла замуж.

— Везет же шлюхам,— говорили завистники,— такого парня отхватила.

Парень действительно был хоть куда — красавец и со звездами на погонах. Он с седьмого класса любил Райку безответной любовью (на одноклассников она внимания не обращала), пытался ей писать и из училища, и с места службы, но ответа ни разу не получил.

И вот приехал в родные места и зашел к ней. Увидел и обомлел: была красивая, а стала необыкновенная. Стояла перед ним в летнем тесноватом халатике, высоко открывавшем голые коленки, и улыбалась, блестя зубами, которых, казалось, было раза в два больше, чем положено:

— Кого я вижу? Лешенька пожаловал!

А глаза были тоскливые-тоскливые, и Алексей вдруг ощутил, что совсем ей не весело, и бравада ее напускная, и лет ей столько же, сколько ему — двадцать семь.

И неожиданно вырвалось затаенное:

— Рая, выходи за меня замуж.

Лицо Райки побледнело, улыбка исчезла, карие глаза превратились в черные. Леша испугался: «Что я говорю, дурак», а она спросила тихо:

— Ты серьезно, Леша?

Всяких слов наслышалась от мужиков, от иных — голова кругом шла, но такой вот простой фразы из четырех коротеньких слов: «Выходи за меня замуж» ни разу ни от кого не слышала, поэтому и напугалась сначала, поэтому и не поверила.

А он:

— Да, серьезно.

— А ты разве ничего про меня не слышал?

— И не собираюсь слушать. Я люблю тебя.

...Со свадьбой не задолили. Уехали молодые на север, зажили своим домом.

Сказал бы кто-нибудь Райке, что она выйдет замуж за Лешку, — может, и поверила бы. Но если бы кто-то предположил, что полюбит его — на смех бы подняла.

А ведь полюбила. Так полюбила, что и думать ни о чем больше не могла — один Леша в голове. Представляла раньше семейную жизнь скучной, а она такой радостной оказалась! Разве можно было с чем-то другим сравнить те счастливые минуты, когда колдовала над обедом, всякий раз пытаюсь удивить своего, не прихотливого к еде мужа, и краснела от удовольствия, когда он хвалил стряпню ее, и гладила его рубашки, и ждала до глубокой ночи его со службы, и стелила постель, и обнимала, усталого, и замирала на груди его.

Но чем больше привязывалась Райка к мужу, тем мучительнее ей становилось от со-

знания прошлой греховности. И не было дня, чтобы она не казнила себя, не вспоминала со стыдом о своей легкомысленности в той жизни, которая была до замужества.

Леша ни разу ее ни о чем не спросил, ни в чем не упрекнул, для него не существовало ее прошлое. Для нее же оно было проклятьем и не давало быть по-настоящему счастливой.

Искуплением грехов своих Раиса считала рождение дочери. Этот день, 23 февраля (как раз на мужнин праздник подгадала), был страшно долгим и мучительным. С утра и почти до полуночи тело терзала невыносимая боль, от которой совершенно некуда было деться, и были в кровь искусаны губы, не позволявшие вырываться наружу стомам, и казалось, она не выдержит всего этого и умрет.

А когда все закончилось, и ей показали крохотного ребенка со сморщенным красным личиком, ей стало так спокойно, так хорошо, что она заплакала.

— Что с тобой, — испугалась акушерка, — сына, что ли, хотели?

И так и не поняла, что слезы эти от счастья.

Но когда Раиса впервые после роддома зашла в ванную и увидела себя голую в зеркале, она пришла в ужас — такой показалась себе безобразной.

Ее рыдания напугали Алексея. Он чуть дверь в ванную не выломал. Долго допытывался, в чем дело, а когда она призналась в причине своих слез, рассмеялся и сказал:

— Какая же ты дуреха. Неужели не понимаешь, что для меня еще прекраснее стала.

И помолчав, полушутливо добавил:

— Или ты хочешь не только мне нравиться?

— Что ты? — испуганно встrepенулась Раиса. — Только тебе. А сама подумала с какой-то мстительностью, словно и не о себе:

— Всегда бы была такой, так не фигурировала бы по пляжам.

А он целовал ее мокрые глаза и твердил, что любит ее еще больше, чем прежде.

— Ты себе представить не можешь, как я тебе благодарен за все: что уехала со мной, что такую дочь мне родила.

Он наклонился над детской кроваткой:

— Она будет такой же красавицей, как и ты.

Раиса тоже посмотрела на спящую дочурку. Ее личико все еще было красненьким и совсем не красивым. Леша переводил взгляд с дочки на жену и улыбался ласково.

А Раиса, сияя глазами и зубами, неожиданно ощутила страх от пришедшей в голову мысли, что не заслужила она столь большого счастья и оно может оборваться. На миг, помрачнев лицом, отогнала неприятное прочь, опять разулыбалась, зараженная радостью мужа. В этот вечер она еще не подозревала, что отныне страх будет сопутствовать ее счастью всегда, всегда она будет ждать от жизни чего-то непоправимо-жестокое, и будет ругать себя за черные мысли, подавлять их, но они будут преследовать ее, подобно тучам, которые упорно не хотят, чтобы небо было чистым и ясным.

ВИШЕНКА

Крохотная девочка с огромным голубым бантом в черных кудряшках стояла на тротуаре и безутешно плакала, закрыв лицо руками. Остановивались прохожие, пытались успокоить, приласкать, выяснить, что случилось. Толстый дядька с большой лысиной и большим портфелем, присев на корточки, вертел перед девочкой румяное яблоко. Но малышка яблоко не брала, на вопросы не отвечала и плакать не переставала.

Я подошла поближе и неожиданно для себя громко сказала:

— Мы просто потеряли маму, но сейчас ее найдем.

Девочка отняла ладошки от лица и посмотрела на меня глазенками, которые были похожи на переспелые вишни, омытые дождем. Не переставая всхлипывать, она протянула ко мне руки, я подхватила ее и почувствовала, как мокрый носишко уткнулся мне в шею.

Лысый дядька произнес озадаченно:

— А мы чуть не час успокаивали...

Я взяла у него яблоко, которое он намеревался положить обратно в портфель, и пообещала:

— Сейчас съедем.

Присев на скамейку, вытерла зареванное личико своего найденыша и спросила:

— Как же тебя зовут, маленькая?

— В садике зовут Аленка, а мама зовет Вишенка.

— А годиков тебе сколько?

Аленка-Вишенка растопырила три пальчика.

— А где ты живешь?

— На автобусе надо ехать...

— На каком?

— На желтом.

С ближайшей остановки автобусы уходили по трем маршрутам, и все они были желтого цвета.

— Как же ты потерялась?

— Папа взял меня из садика, а потом сам потерялся... — у девочки опять задрожали губы.

— Ну, ладно, ладно, — я встала. — Пойдем искать твоего папу.

Папу мы, конечно, не нашли, пришлось заявить о своей «находке» в милицию. Записали мой адрес, потому что оставить ребенка в милиции я не согласилась.

Когда пришли домой, Вишенка, измученная тревожными днями, уже спала у меня на

руках. Положив ее на диван, я села проверять тетради своих пятиклашек, но не могла сосредоточиться: безмятежно спавшая девчушка притягивала к себе. Ее черные кудряшки разметались по подушке, щеки разругались, рот приоткрылся, обнажив блестящие крохотные зубки. Я едва удерживалась от искушения схватить ее на руки и прижать к себе крепко-крепко.

Звонок в квартиру заставил меня вздрогнуть, хотя и не был неожиданным. Я сразу же поняла, что пришли за девочкой.

К моему великому изумлению, перед дверью стояла Светка Сницина, моя бывшая одноклассница, с которой я не виделась с выпускного вечера. Узнала я ее сразу, хоть она и здорово изменилась: располнела, стала рыхлой и бесформенной. Светка тяжело дышала, будто только что пробежала стометровку, копна пышных волос растрепалась.

— Мне сказали в милиции, что моя дочь у тебя.

— Вишенка? Твоя дочь?!

Светка уже увидела в раскрытую дверь девочку на диване, рванулась туда и, удостоверившись, что с ней все в порядке, запоздало обиделась:

— Чего ты удивляешься? Я в детстве тоже хорошенькая была.

— Да нет, просто так неожиданно... — смутилась я.

— Спасибо тебе. Я чуть с ума не сошла. Послала своего благоверного в садик, а он пришел на бровях, ничего не соображает. Трясу его: где Аленка? А он и сказать ничего не может.

— Ну, видишь, все хорошо, что хорошо кончается. Рассказывай, как живешь. Ты ведь уже давно замужем?

— Да уж юбилей справили — 10 лет. Аленка-то у меня вторая уже.

— Да ты что?

— Правда. Сын в третий класс перешел, отличник,— Светка улыбнулась и сразу же похорошела.— А у тебя что-то фамилия не изменилась. Я думала — ты или не ты, вы ведь раньше не здесь жили. Ты чего, не замужем, что ли, или уже развелась?

— Да нет, еще и не выходила.

— Да ты что?! — черные Светкины глаза (я только тут заметила, что они такие же, как у Вишенки) изумленно округлились.— Ты же у нас первая красавица была, вокруг тебя всегда парни увивались, все думали, что ты тут же выскочишь за какого-нибудь офицера.

— Почему офицера?

— Ну... не за слесаря же.

Я засмеялась:

— Как видишь, дольше всех засиделась.

— Надо же, как тебе не повезло,— Светкины глаза выражали явное сочувствие.

Эта неприкрытая жалость заставила меня взорваться:

— Не повезло?! Может, ты считаешь себя счастливой? У меня любимая работа, меня уважают, я совершенно ни от кого независима, а ты... У тебя-то что? Муж-пьяница, кастрюли, пеленки, о себе, наверно, и подумать некогда.

— Ой, не говори,— Светку, похоже, не обидело мое возмущение, она лишь скорбно поджала бледные полоски губ.— И муж выпивает, правда. А вот не гоню его, когда трезвый — душа-человек. И зарабатывает хорошо. И о себе подумать некогда — тоже правда. Ты, небось, лет на десять моложе меня выглядишь. Да...

Светка помолчала. А потом улыбнулась своей широкой улыбкой, которая ее удивительно красила, и сказала, кивнув на дочку:

— Зато видишь, какая у меня Вишенка растет...

...Захлопнулась дверь за моей бывшей одноклассницей, а я еще долго-долго сидела с подушкой в руках, на которой совсем недавно лежали разбросанные кудри Вишенки.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Малыш сидел на корточках и что-то рассматривал на земле. Это «что-то» было обыкновенной лягушкой. Мальчик глубокомысленно морщил лоб и ход его мыслей был примерно таков:

— Почему же она серая? Ведь лягушки бывают зелеными. Во всех книжках пишут, что зеленые. А может, это вовсе и не лягушка? — и малыш протянул руку к маленькому серому существу, но не успел и дотронуться, как кто-то, резко рванув его за ворот, поставил на ноги, а лягушка полетела в сторону, отброшенная ударом узконосой туфельки.

Перед мальчиком стояла разгневанная мама с красивыми фиолетовыми волосами и красивыми мохнатыми ресницами. Тоненькие ниточки бровей сошлись на переносице, а глаза из голубых превратились в темно-синие (так бывало всегда, когда мама злилась).

— Сколько раз я тебе говорила, не трогай руками всякую гадость!

— Мама, — у сына задрожали губы, но он не заплакал, а только глубоко вздохнул, — зачем ты пнула лягушку! Ведь она же живая. А вдруг это была царевна-лягушка?

Вечно ты со своими глупостями,— мать возмущенно дернула сына за руку,— пойдём домой, раз не умеешь играть, как другие нормальные дети.

Сын опять вздохнул и ничего не сказал.

Когда мама ругала папу, тот тоже всегда вздыхал и уходил на кухню. Сыну некуда было уйти, поэтому он шел рядом с мамой и горестно молчал.

Дома он с трудом дождался, когда придет с работы папа. Папа был старше и, наверно, умнее мамы, поэтому сразу понял, что сын огорчен не напрасно.

— Папа,— у мальчика опять дрожали губы, когда он рассказывал историю с лягушкой, а на глаза навернулись слезы. Теперь уже можно было и заплакать, он знал, что папа не будет сердиться.— Папа, она была почему-то серая, а не зеленая, и она хотела мне что-то сказать. Может ведь быть, что это была царевна-лягушка?

У папы были седые виски и добрые близорукие глаза. Он внимательно слушал сына и кивал головой:

— Конечно. Может быть, и царевна-лягушка.

Их разговор прервала красивая мама, которая вошла в комнату и сказала:

— Сын, ну-ка спать. А тебе,— обратилась она к мужу,— нечего забивать ребенку голову всякими глупостями.

Через четверть часа малыш лежал в кровати, натянув одеяло до подбородка, а мать с отцом сидели на кухне. Она курила, пускала красивые колечки в открытую форточку, а он чистил картошку и горячо доказывал ей:

— Ты понимаешь, что так нельзя? Какой урок ты преподнесла сегодня сыну? Пнула лягушку! Мелочь! Но именно с таких мелочей закрадывается в сердце жестокость.

— До чего же ты надоел со своими передовыми методами воспитания! Нет, пусть бы он взял в руки эту тварь и заразился какими-нибудь лишаями.

— Любую болезнь можно вылечить. Но как излечить от жестокости, черствости, равнодушия?

— Господи, опять высокие слова! Без них ты не можешь. Другое дело, я бы щенка, например, пнула, а то — лягушка...

Муж устало вздохнул:

— Ты не поймешь все равно...

— Что ты мне прикажешь понимать?! — взорвалась жена. — Что надо любить лягушек, мышей, тараканов? Так, что ли? А эти твои дурацкие сказочки! Вчера он увидел Дюймовочку, сегодня пытался погладить царевну-лягушку! Что ты добиваешься? Чтобы из сына получился такой же слюнтяй и мечтатель, как ты сам? Нет, дорогой, сейчас такие люди не в моде. Сейчас преуспевает тот, кто трезво смотрит на жизнь, кто умеет про-

биться, пусть даже за счет других. Ну вот, что ты добился в жизни, благодаря своему великодушию и благородству? Тебе за сорок, а ты квартиры путной не имеешь, а если в чем-то и преуспел, так только потому, что работаешь, как вол. Другие, между прочим, имеют гораздо больше, не очень то себя утруждая.

Муж не прерывал бурный монолог жены. Он знал, что спорить бесполезно, иначе они опять поссорятся, и больше всего их ссору будет переживать сын. А отцу совсем этого не хотелось.

Сын был его первым и единственным ребенком, и отец не знал, правильно ли его воспитывает, но его нисколько не возмущало, что мальчишка верит в сказки (он и сам иногда в них верил), и радовало, что сын, так же, как и он, видит в облаке слона, а в сучковатом дереве Кашея Бессмертного. Его огорчало, что жена всего этого не видит. Зато она была много моложе его и очень красива. Он любил наблюдать, как она причесывается, как делает зарядку, безусловно владея гибким телом, как вертится перед зеркалом, примеряя новое платье.

Но сейчас на него навалилось раздражение, которое трудно преодолеть. Жена, со своими выщипанными бровями, с волосами, выкрашенными в нелепый цвет, и сигаретой во рту, показалась, вдруг чужой и неприятной.

И он встал, отложил недочищенную карто-
фелину, вымыл руки и ушел к сыну, с кото-
рым ему было хорошо всегда.

Малыш еще не спал. Его круглые серые
глаза, похожие на отцовские, были широко
открыты.

— Ты почему не спишь, зайка? — отец
присел на кровать.

Сын приподнялся и заговорил торопливо,
сбивчиво:

— Знаешь, папа, даже если это была не
царевна-лягушка, все равно же ее нельзя бы-
ло пинать, ведь лягушки же полезные, ведь
они всяких мошек вредных едят, ты же сам
мне про это говорил, папа.

— Да, сынок, — папа тронул жесткие свет-
лые волосы мальчика, — мама поступила не-
правильно. Она просто испугалась, что ля-
гушка тебя укусит, она не знала, что они не
кусаются. Мама просит у тебя прощения и
обещает, что больше никогда так не поступит.

Успокоенный, мальчик положил голову на
подушку, а потом, словно вспомнив что-то,
сел опять:

— Папа, а все-таки мне кажется, что это
была царевна-лягушка. Ведь она сидела, смот-
рела на меня и не упрыгивала. А, папа?

— Да, сынок, — отец поцеловал сына в
вихрастую макушку, — может быть, это была
самая настоящая царевна-лягушка.

И СТОИЛО ЖИТЬ...

В десятом классе, когда мы проходили Маяковского, учительница предложила почитать стихи поэта. Головы одноклассников повернулись в мою сторону — все уже привыкли, что я читаю стихи на каждом уроке литературы. И на этот раз я не обманула ожиданий и прочитала «Хорошее отношение к лошадям».

— Как всегда, отлично, — сказала Ксения Петровна, когда я закончила, и, внимательно посмотрев на меня, спросила:

— А почему ты прочитала именно это стихотворение?

— Так просто. Оно мне нравится.

— А я помню, как его читал твой отец. Он прекрасно читал. — Ксения Петровна вздохнула и добавила:

— Впрочем, ты, конечно, не можешь этого помнить, ты была маленькой.

Нет, я помнила тоже.

Мой отец умер во время летних каникул, когда мы с бабушкой гостили у моей тетки.

Однажды утром я проснулась, бабушки дома не было.

— Тетя Люся, а где баба?

Тетка на меня как-то странно посмотрела и не сразу ответила:

— Вчера позвонили... заболел твой папа... ей пришлось уехать.

Это известие меня не взволновало: заболел — поправится, я сама часто болела и — ничего, тем более — в школу ходить не надо, но без бабушки было скучно, и я сказала:

— Я тоже хочу домой.

— Поедем послезавтра, — пообещала тетка и погладила меня по голове.

...Через день мы ехали в автобусе. Я смотрела в окно на меняющиеся каждое мгновение картинки: стадо коров и пруд с гусями, сельское кладбище и играющие дети. Я так увлеклась (мне редко приходилось ездить), что не заметила, как у тетки покраснел вздернутый нос, и выпуклые серые глаза подозрительно заблестели.

Когда мы уже подъезжали к дому, тетя Люся дрогнувшим голосом сказала:

— Танечка, твой папа попал в аварию.

Недовольная, что меня оторвали от окна, я передернула плечами и равнодушно произнесла:

— Ну и что?

— Как что? — тетка растерялась. — Ведь совсем...

— Как это... совсем? — я оторопела. — Насмерть, что ли?

— Да...— она заплакала.

Я смотрела на нее недоумевающе и не верила услышанному. Несколько дней назад отец провожал нас с бабушкой на вокзал, шутил, смеялся, поцеловал меня на прощание, я еще щеку после вытерла, потому что терпеть не могла целоваться, и вдруг он умер. Неужели такое может быть?

Дома было много народу, знакомые и незнакомые. Мать, в черном платке, не похожая на себя, сидела на стуле, на меня она даже не взглянула, вроде бы и не узнала. Бабушка меня обняла и запричитала:

— Сиротинушка ты моя!

Я вырвалась от нее, побежала в другую комнату, открыла дверь и увидела на столе гроб. Я вскрикнула и бросилась назад. Тетя Люся поймала меня, схватила на руки и понесла в комнату, где лежал отец. Я боялась, вырывалась, она меня успокаивала:

— Не бойся, ничего страшного, не бойся.

Она поднесла меня к гробу. Я с опаской взглянула на отца. Лицо его было каким-то незнакомым, в ссадинах и синяках. Но больше всего меня поразило не это. Мне показалось — отец улыбается. Я смотрела на эту улыбку, не в силах отвести глаз, а тетя Люся гладила лицо мертвого отца и приговаривала:

— Вот видишь, совсем не страшно, совсем не страшно, я даже глажу его.

А мне, наоборот, вдруг сделалось страшно, и я уткнулась в теткино плечо.

Потом меня отпустили во двор к ребятам, с которыми я не виделась почти неделю. Встреча была радостной — соскучились. Мальчишки (я была единственной девчонкой во дворе) до моего прихода играли в футбол, забивая мяч в пустые ворота. Я встала между двумя кирпичами — воротами, и игра возобновилась. Когда играть надоело, уселась на скамейку, и Николка, белобрысый широкоскулый пацан, на год старше меня, стал хвастаться, что у него отец — силач — каждое утро зарядку с гирями делает. Отец его, высокий, кряжистый, действительно был богатырем, и моя бабушка звала его Иваном Поддубным. Мой отец напротив Николкиного выглядел маленьким и хрупким. Но хоть был он тонок в талии, зато широк в плечах, и по силе не уступал «Ивану Поддубному». И я, конечно, сразу влезла в разговор:

—Подумаешь, а мой папа даже штангу поднимает,— и тут же осеклась, вспомнив вдруг — у меня уже нет папы.

И только тогда я отчетливо поняла, что отныне не буду принимать участия в разговорах об отцах, не похваляюсь тем, что мой папа самый сильный и пишет стихи. Я буду молчать, потому что папы больше нет. Он лежит в гробу с улыбкой на лице. И я побежа-

ла домой еще раз посмотреть на эту улыбку, такую неожиданную и неправдоподобную.

Я смотрела на нее и когда шла за гробом. Потом переводила взгляд на мать. Она едва передвигала ноги, поддерживаемая с обеих сторон своими братьями. Казалось, если они отпустят ее, она тут же рухнет. Мать не плакала, смотрела перед собой остановившимся взглядом, и лицо ее по-прежнему было чужим и незнакомым.

Дядя Саша, мамин брат, державший меня за руку, моргнул, и из-под ресниц его выкатилась слеза. Его жена, которую я боготворила за неземную красоту, высокий рост и длинные волосы, недовольно одернула его:

— Александр... Ты же мужчина.

Пожалуй, она, единственная, сохраняла спокойствие, и ее безукоризненная красота казалась еще ярче на фоне бледных, заплаканных, искаженных страданием лиц.

Я заплакала только тогда, когда захлопнулась крышка гроба, и я перестала видеть улыбку отца, и снова с ясностью осознала: никогда-никогда больше он не будет рисовать мне смешные рисунки, не прочитает стихов Маяковского и не сыграет на гитаре.

После кладбища были поминки. Меня отправили гулять, но я не пошла. Я взяла с полки любимую книгу отца — стихи Маяковского. И заперлась в чулане. Книга эта была кем-то подарена отцу, на ее титульном листе

была надпись с двумя эпитафиями: «Все к лучшему в этом лучшем из миров» и «Жизнь — трагедия, надо суметь ее стойко, с любовью сыграть». Я не знала, кто подарил эту книгу отцу, но на необитаемый остров он ее бы точно взял с собой. Она была потрепана, как говорят, зачитана до дыр. Я нашла «Хорошее отношение к лошадям».

На первомайском вечере в Доме культуры отец читал это стихотворение. Я представила его на сцене, молодого, смуглолицего, темноглазого. Вспомнила, какое ликование наполняло мою душу, когда он читал, как лошадь встала на ноги и пошла.

Хвостом помахивала,
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
Стала в стойло.
И все ей казалось —
Она жеребенок,
И стоило жить,
И работать стоило.

Отец широко улыбался, радуясь за лошадь, и все в зале улыбались по-доброму, и Ксения Петровна тоже, которая меня еще тогда не учила, но раньше учила моего отца, и я улыбалась от уха до уха и думала: конечно же, «все мы немножко лошади».

Я сидела в чулане и твердила эти строки, заучивая наизусть, твердила, как заклинание, как клятву:

— И стоило жить, и работать стоило.

И стоило жить... И стоило жить...

ВСТРЕЧА

— До встречи,— сказал он на прощанье.

— До встречи,— как эхо, отозвалась она.

Тогда Марина с Сергеем даже представить себе не могли, что встреча эта состоится лишь через девятнадцать лет.

Их уже в начальной школе прозвали Ромео и Джульетта. Как впервые зашел он за ней семилетним мальчишкой, так и носил ее портфель до десятого. Из пухлой симпатяшки она превратилась в тоненькую изящную девушку с пушистой косой, а он как был худым и долговязым, так и остался, только раздался в плечах, да очки сели на переносицу. Все привыкли, что они всегда вдвоем, и уже связали их вместе навсегда — и родители, и учителя, и друзья. После окончания школы оба поступили в МАИ, на один факультет, и их последнее «до встречи» было, когда он после первого курса уезжал в стройотряд, а она не смогла — неожиданно слегла в больницу мать и не с кем было оставить двух братьев-близнецов, которым только что стукнуло по семь лет.

Пока он был в стройотряде, его Джульетта... выскочила замуж. Это было подобно гро-

му среди ясного неба, даже не грому, а шаровой молнии. Никто бы не мог объяснить ее взбалмошного поступка, даже она сама. Бросила институт, дом, мать, братьев и укатила с полужнакомым офицером в Приморский край. Укатила, даже зная, что руку и сердце он предложил ей по чистой случайности — присхал жениться на любимой девушке, а та из столицы на край света ехать отказалась, и от безысходности он сделал предложение едва ли не первой встречной. Почему ею оказалась Марина — трудно сказать. Скорее всего потому, что была полной противоположностью той, с которой в мечтах он связывал всю свою дальнейшую жизнь, и которая, вероятно, никогда его не любила. Та была статной и, как это принято говорить, жгучей брюнеткой. А Марина... Лишь позже он увидел, что она красива, а тогда его поразили ее глаза. Про такие говорят — «русалочки» — зеленоватые и какие-то прозрачные, они смотрели на него в упор. Как Марина потом призналась, смеясь, — ее поразила его красивая форма офицера морской авиации, и в особенности — кортик. Возможно, он ее взгляд расценил по-своему, но не долго думая, сказал:

— Девушка, выходите за меня замуж.

— Когда? — она приняла его предложение за шутку.

— А сейчас пойдем в ЗАГС и распишемся.

— Пойдемте.

Да, началось шуткой, а кончилось свадьбой.

Когда Сергей вернулся домой, он узнал, что любимая — чужая жена и живет уже на Дальнем Востоке.

Что с ним было — не знает никто, он куда-то скрылся на неделю, напугав родителей, оборвавших телефоны моргов и больниц. Вернулся осунувшийся, побледневший, и с того дня все разговоры о Марине пресекал сразу.

За девятнадцать лет (а встретились они в родной школе по случаю юбилея выпуска) в жизни и того и другого произошло немало. Она за это время родила трех дочерей, схоронила своего обожаемого, нежно любимого мужа, а он стал доктором технических наук, зав. отделом крупного научно-исследовательского института, но так и не женился.

И вот они встретились — Ромео и Джульетта школьной поры, два зрелых тридцатисемилетних человека.

В нем не осталось ничего от того долговязого вихрастого мальчишки — Марина увидела красивого, уверенного в себе, холеного мужчину, а она превратилась в грузную женщину с отечным болезненным лицом и полными ногами в узловатых венах. Разве что глаза остались прежние — «русалочки».

— Какой ты стал... — удивленно сказала Марина, теперь уже Марина Васильевна.

— Какой? — улыбнулся Сережа — Сергей Аркадьевич.

— Ну... важный. А я... вот какая. Была бы сейчас твоей женой — стеснялся бы, наверное.

— Зачем ты так?

— А разве нет? Слышала, так и не женился. За тебя, за такого, и двадцатилетняя почтет за честь замуж выйти. Со своей старшей дочерью поостерегалась бы знакомить, запросто голову закружишь.

— Слушай, ты же знаешь — я не женился, потому что всю жизнь искал такую, как ты.

— Да брось. Ведь это же было детство.

— Детство?! Для тебя! Для меня это была вся жизнь.

— Ну, ладно, не горячись. Я очень была виновата перед тобой. Но понимаешь, встреча с Юрой была, как потрясение, как... помнишь, у Бунина — «солнечный удар». Это не объяснить. Но посмотри на меня сейчас, и ты поймешь: все, что ни делается — к лучшему. Я представляю, сколько у тебя женщин.

— Опять ты... Я ведь никогда, ты знаешь, не был бабником.

— Милый мой, — она засмеялась, — я ж тебя мальчиком помню. Я тебя знала одиннадцать лет, а не знала — девятнадцать. Ох, как человек в зрелости отличается от себя в юности. Он, как правило, лучшее утрачивает, а приобретает... Да что мне тебе объяснять...

— Ну, хорошо, расскажи, как жила эти годы.

Ах, как она преобразилась, когда рассказывала о своем покойном муже, которого — он понял — любила до сих пор, как будто стала прежней Мариной.

— А ты... счастлив? Был счастлив?

— Я был удачлив. Мне в общем-то везло во всем, кроме карт и любви, хоть и говорят, что одно исключает другое.

— Но мне не верится, что тебе — вдруг в любви не везет.

— Повезло однажды.

— Прости. Знаешь, приходи к нам завтра, я тебя с дочками познакомлю, они у меня красавицы и умницы.

— Сколько им?

— Светлана уже студентка — восемнадцать, Оксане — шестнадцать, в десятый класс перешла, а Оленьке — всего пять. В один день у меня и горе, и счастье случилось — Юра погиб в день ее рождения. — Маринин голос задрожал, но она справилась с собой и продолжала: — Я именно тогда на себя рукой махнула. До того нас с дочками все за сестер принимали, теперь уже не принимают. Я после вторых родов тоже поправилась, но плавала, бегала, ездила на велосипеде — быстро в форму вошла. Да и жизнь счастливая не старит. Господи, как же я была счастлива. Знаешь, если бы не Оленька, я бы, наверно,

не выдержала, сотворила бы что-нибудь с собой, когда беда случилась. Но Оленька... И старшие, конечно, девочки.... Так придешь завтра?

— Да, разумеется,— поспешно согласился Сергей.— До завтра.

Он шел домой пешком по вечерней Москве и все силился представить теперешнее Марино лицо, но в сознании всплывали удивленные глаза и приоткрытый детский рот с фотографии, висевшей над его столом. Он испытывал странные чувства сейчас. С одной стороны его мучила жалость к Марине, такой постаревшей, некрасивой, с другой — радовала какое-то облегчение, освобождение от всего того, что терзало его все прошедшие годы. Надо было встретиться с Мариной, чтобы понять: любовь к ней осталась в той жизни, и хоть он, конечно, никогда не забудет Марину, но не забудет ту, юную, тонкую, веселую девушку, а нынешняя Марина Васильевна — женщина, ему совершенно не знакомая, он узнал ее только сегодня и ничего, кроме жалости, она у него не вызывает.

На следующий день он пришел к Марине Васильевне в гости с розами, тортом, с куклой для Оленьки.

Его ждали все — Марина, ее мать Александра Григорьевна, не старая еще женщина, и две девочки, не было старшей Светланы, но заверили, что скоро должна быть. А средняя

и младшая, и впрямь красавицы и умницы, были к некоторому разочарованию Сергея; совсем не похожи на Марину, но очень похожи между собой — с нежными смуглыми лицами, темными волнистыми волосами и огромными черными глазами. Отличало их только то, что Оленька была пухлой и немного неуклюжей, а Оксана обладала таким изяществом и грациозностью, что Сергей в глубине души признал, что даже Марина в юности ей уступала. На нее хотелось смотреть и смотреть, как на произведение искусства. Вероятно, и младшая обещала быть впоследствии такой же.

— Конечно, — подтвердила Марина. — Оксана в детстве таким же увальнем была, кто бы мог подумать, что из нее получится.

Сергей сидел в этом «бабьем царстве», как пошутила Марина, и чувствовал себя на редкость хорошо, спокойно, уютно. Пили чай с тортом, который всем понравился, вспоминали прошлое — когда-то Сергей был в этом доме завсегдатаем. Вот только старшей Мариной дочери так и не дождались.

Но когда Сергей, тепло распрощавшись со всеми, вышел из подъезда, навстречу ему из темноты шагнула девушка, при виде которой он остолбенел: перед ним стояла юная Марина — такие же «русалочки» глаза, такие же пушистые волосы, только ростом повыше да взглядом посмелее.

— Светлана? — сразу понял он.

— Да. А вы — Сергей Аркадьевич. Я вас сразу узнала. Вот мы и познакомились. Только не говорите об этом маме. Она специально меня отослала, потому что я на нее очень похожа, и она боялась, что вы, чего доброго, в меня влюбитесь. А мне уж очень хотелось на вас посмотреть.

Сергей не уставал поражаться — и голос был, как у Марины, и манера держаться, и эта милая непосредственность...

— А вы сами не боитесь, что я в вас влюблюсь?

— Нет.

— Почему?

— Ну, во-первых, вы еще молодой и очень привлекательный мужчина, а во-вторых, неженатые доктора наук на дороге не валяются.

— Светлана... — он несколько опешил. — Вы серьезно или шутите?

— Конечно, шучу. Но в каждой шутке есть доля истины.

— Ну, а возьми я да сделай вам предложение, что бы сказала ваша мама?

— А вас не должно интересовать, что сказала бы мама, поинтересуйтесь лучше, что скажу я.

— Но позвольте... Ваша мама — моя школьная подруга, первая любовь, наконец. Вы ее дочь, стало быть, и мне в дочери годитесь.

— Это теоретически. А практически я го-
жусь вам в жены. Что касается мамы, конечно,
но, она возражала бы, и очень, она у меня
идеалистка. Ведь только идеалистка могла
уехать из Москвы в тьмутаракань за первым
встречным. Вы поймите меня правильно: у
меня был прекрасный отец, у нас была иде-
альная семья, но Москва есть Москва. И не
смотрите на меня так—сейчас вся молодежь
такая, прагматичная и расчетливая. Если я
выйду за вас замуж — все мои подруги лоп-
нут от зависти.

— Нет, милая Светланочка, вы никогда не
выйдете за меня замуж, а я никогда на вас
не женюсь.

— Почему?

— Во-первых, потому что вы — Маринина
дочь, а во-вторых (или именно это, во-первых),
вы на нее похожи только внешне, а теперь мне
кажется — даже внешне не похожи.

— Можно вас попросить о двух вещах?

— Просите.

— Во-первых, не говорите о нашей встрече
маме, во-вторых, считайте наш разговор шут-
кой. Я вас разыграла, и, оказывается, очень
удачно, значит, я кое-что умею. Получится
из меня актриса?

— Не знаю, может, и получится. Внешние
данные у вас хорошие.

— И только? А как же — насчет дарова-
ния? Ведь достоверно я изобразила хищни-

цу? Вы ведь поверили: нет, не Марина. Ведь поверили?

— А вы... другая?

— Конечно. До свидания, друг маминого детства.

И она, резко повернувшись, пошла в противоположную от дома сторону.

Сергей Аркадьевич смотрел ей вслед и видел, что сзади она совсем не напоминает Марину — и бедра шире, и походка увереннее, и нет той легкости, воздушности, которые он помнил в ее матери.

Что ж, разыграла его эта девчонка или правда — в каждой шутке есть доля истины? Он вспомнил, как кокетничают с ним его молодые сотрудницы — неужели видят выгодного жениха? Он как-то никогда не задумывался над этим. Уже десять лет он встречается с женщиной, которая моложе его всего на два года. Она всегда равна с ним, кажется, понимает его, но никогда даже разговора не возникало о том, чтобы им пожениться, о любви он не думал, полагая, что любовь у него была одна и больше не будет. А вот после встреч и разговоров сегодняшнего дня вдруг захотелось придти к этой женщине и рассказать ей обо всем: о драме, которую пережил в юности, о встрече с первой любовью и испытанном чувстве освобождения, о разговоре со Светланой, то ли шутливым, то ли серьезном, о том, как хороши дочери у Мари-

ны, и еще — как было бы здорово, если бы и у него была такая же пухлая, черноглазая девчонка, как Оленька, которая обнимала бы за шею мягкими ручонками и говорила: «Папа».

БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Известный поэт Юрий Шевчук сидел в президиуме областного совещания молодых литераторов, куда его пригласила для ведения поэтического семинара местная писательская организация, и вглядывался в лица людей, находившихся в зале. Он редко отказывался от приглашений на подобные сборы — любил молодежь. С нею он как-то забывал, что ему под шестьдесят, что у него большое сердце, что недавно он перенес инфаркт.

Вот и сейчас он с удовольствием смотрел на оживленные лица тех, кто собрался на совещание. В зале сидели и совсем юные ребята и девушки, и довольно зрелые люди, но все они именовались молодыми, ибо были начинающими.

Взгляд поэта скользил по залу и вдруг споткнулся на женском лице, которое притянуло, как магнитом, и не отпустило дальше. Не сказать, что девушка была хороша — большой рот и широко расставленные выпуклые глаза делали ее похожей на лягушонка, но лягушонка очень симпатичного, ведь рот обнажал в улыбке ровные зубы, а зеленые

глаза так призывно сияли, что вполне могли бы заменить светофор. Да и заменяли, давая зеленую улицу взглядам не одного Юрия Шевчука.

— Кто такая? — поинтересовался Юрий Семенович у одного из местных писателей и, услышав в ответ «Наталья Климова», обрадовался — она была в его семинаре. Сразу же вспомнились ее стихи, которые, к сожалению, были довольно слабыми, и у него уже были приготовлены суровые слова для молодой поэтессы.

Он видел, как она насторожилась, когда началось распределение по семинарам, и с удовольствием отметил — зеленые глаза сделались еще ярче от вспыхнувшей в них радости, едва она услышала имя своего руководителя. Наталья Климова посмотрела на Шевчука; глаза их встретились, и он понял: девушка давно ощутила его взгляд, но только сейчас решила посмотреть на него открыто, в упор. Сердце Юрия Семеновича сладко сжалось от предчувствия чего-то хорошего, что, несомненно, будет связано с этой милой девушкой, и он не выдержал и улыбнулся ей, и она ответила чуть смущенной улыбкой.

На обсуждении Наташиных стихов маститый поэт, вопреки намерениям, не сказал тех строгих, заранее заготовленных слов. Напротив, он больше хвалил ее. Наташа краснела от удовольствия, а руководитель семинара не

чувствовал никаких угрызений совести, ощутив вдруг «что-то» в ее стихах.

Не жмите удивленно вы плечами,
Что я всегда с улыбкой на устах,
На мир смотрю я добрыми глазами.
И с ямочками смеха на щеках.

И строчки-то были не очень грамотными, но их автор имела и добрые глаза, и ямочки на щеках, и «что-то», обнаруженное мэтром в ее стихах, было скорее в ней самой: и мягкость, и женственность, и улыбочивость.

В последний день семинара Юрий Семенович пригласил Наташу к себе в гостиницу, собираясь подарить свою книжку. Она пришла, покрасневшая, возбужденная. Еще бы! Поэт, перед талантом которого она преклонялась, о встрече с которым и мечтать не смела, дарит свою книгу, хвалит ее стихи, обещает напечатать в «толстом» журнале. А кроме того, она прекрасно понимала, что нравится ему, ощущала свою власть над ним, и ей было радостно и страшно от сознания собственной силы.

Они сидели в креслах напротив друг друга, Наташа что-то оживленно болтала, но Юрий Семенович не мог понять ни слова — он неотрывно смотрел на ее пухлые шевелящиеся губы и едва сдерживал в себе искушение немедленно поцеловать ее. Наташа чувствовала

его нетерпение и говорила, говорила, боясь остановиться.

И все-таки Юрий Семенович не выдержал. Он схватил ее руки, с еще не успевшей сойти краснотой после мороза, и принялся осыпать их поцелуями. Наташа ждала этого, но все же растерялась, сразу забыла, о чем говорила. А Юрий Семенович начал целовать ее колени и ощущал, какие они холодные, а Наташа видела перед собой склоненную седую голову с пробивающейся лысиной, ей было стыдно, неприятно, и, сжавшись в комочек в кресле, все пытаюсь натянуть юбку на колени, она твердила умоляюще:

— Ну, не надо, не надо...

Шевчук не замечал ничего, рука его потянулась к вороту ее блузки.

— Юрий Семенович, прошу вас... — голос ее был жалобным, и он понял: она не ответит страстью на его страсть, не будет нежной, как ему хочется, но будет покорной. Он не вникал, отчего эта покорность: оттого ли, что она корыстна, и он, наобещав ей всего, сделал ее зависимой от себя, оттого ли, что просто не решится оттолкнуть его, своего любимого поэта. В любом случае он поступал бесчестно и понимал это, но остановиться уже не мог и дрожащими руками принялся расстегивать ее блузку.

Кровь прилила к лицу, когда он увидел полную, по-женски тяжелую грудь, приник к ней долгим поцелуем и, благодарный, поднял голову, чтобы найти Наташины губы, и взгляд его встретился с ее взглядом.

Он вздрогнул, как от неожиданного крика. О, если бы в этом взгляде он прочитал ненависть или презрение... Все — и глаза ее, и рот, и морщинка на лбу — были одной массой брезгливости. Ее отвращение было настолько очевидным, что у Шевчука подкосились ноги, и он бессильно опустился в кресло.

Он сидел, обхватив седую голову руками, закрыв лицо, мучимый единственным желанием, чтобы она поскорее ушла.

И либо поняв это, либо потому, что самой не терпелось уйти, Наташа быстро оделась, взяла сумочку, в которой лежала новая книга поэта Юрия Шевчука с его автографом, и пошла к двери.

Но потом вдруг вернулась, остановилась возле Юрия Семеновича и, проведя рукой по его редким волосам, сказала:

— Простите меня, пожалуйста.

— Что ты, девочка, — хватило сил ему ответить, — ты ни в чем не виновата.

А когда дверь за нею захлопнулась, он упал на кровать и застонал, яростно и бессильно, не разжимая губ, закусив угол подушки.

Что терзало его? Стыд, обида, разочарование? А может быть, девушка, которая только что ушла, лишила его последней, слабой надежды на то, что жизнь еще не клонится к закату?

ВСЕ ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО...

Три мушкетера — Борька, Женька и я — сидели на скамейке возле какого-то дома и сетовали на судьбу, которая забросила нас, монтажников-верхолазов, в маленький поселок с дурацким названием Черногубово. Особенно выходил из себя Борька:

— Ну и дыра. Сходить некуда, посмотреть не на что, показать себя некому. Даже покадриться не с кем, за четыре дня ни одной смазливой девицы не увидел.

Борька хотел произнести еще что-то, как вдруг его рот захлопнулся, а потом медленно начал открываться, и из него вылетело что-то нечленораздельное. Мы повернули головы в ту сторону, куда смотрели Борькины изумленные глаза, и мгновенно поняли причину его шока.

Словно защищая честь поселка, который старался опорочить Борька, к нам приближалась девчонка, легкая, тоненькая, загорелая (удивительно, когда она успела загореть, — было начало мая). Она поравнялась с нашей скамейкой, и мы безмолвно уставились на ее независимый профиль с чуть вздернутым носом.

Первым опомнился Женька:

— Видали, прошла. Что за взгляд, что за походочка! Знаешь, Леха,— вдруг обратился он ко мне,— по-моему, ты ей подходишь. Боря для нее слишком глуп, а ты как раз, к тому же мрачен и молчалив, как Отелло. Сейчас она пойдет обратно, хватай ее, веди в кино, дари цветы, пой романсы, ты ведь спец,— и довольный своей шуткой, захохотал.

Борька тоже заржал, по-идиотски взвизгивая.

Я смотрел вслед девчонке, не уверенный, что она повернет обратно, пока ее полосатая кофточка не превратилась в зеленое пятно, и загадал: если пойдет опять мимо нас — познакомлюсь.

Она дошла до конца улицы и вернулась, а я стал лихорадочно соображать, что ей скажу. Как назло, в голову ничего путного не лезло, поэтому я приготовился сказать самую примитивную фразу: «Скажите, пожалуйста, который час»,— хотя ясно видел, что на ее руке часов нет.

Но только я открыл рот, как Женька, опередив меня, очень серьезно, без тени улыбки, предложил:

— Девушка, посидите с нами.

Она медленно повернула голову в нашу сторону (ее глаза были похожи на недоспелый крыжовник) и сказала:

— Спасибо. В следующий раз как-нибудь.

Я не знал, что она подумала при этом, но на миг ее задумчивое лицо осветилось улыбкой. У меня непроизвольно закрылся левый глаз (я так всегда смотрю на солнце), и я решил пойти за нею.

Я шагал сзади, придумывая, что сказать, и у меня не хватало смелости поравняться с девушкой. Я даже помышлял повернуть обратно, потому что чувствовал, как иссякает моя решимость, когда она, не поворачивая головы, произнесла:

— Не дышите мне в затылок, идите рядом.

От такого поворота я немного растерялся, но тут же сделал шаг вперед.

Она искоса взглянула на меня. В глазах ее затаилась лукавинка, и я почувствовал себя дураком. Но она опять выручила меня:

— Чтобы вам легче было начать разговор, представляюсь: я — Наташа. А вы?

— Я? Алексей.

Я все еще был растерян. С первого взгляда Наташа показалась мне чуть ли не школьницей, а теперь я подумал, что она гораздо старше, и у меня совершенно непроизвольно вырвался вопрос:

— Сколько вам лет?

Сказал и смутился еще больше. Ведь я же знал, что воспитанные люди подобных вопросов женщинам не задают.

Но Наташа ответила просто и сразу:

— Сегодня исполнилось восемнадцать.

— Правда?! Так у вас сегодня день рождения? — почему-то обрадовался я. — Поздравляю.

— Спасибо, — она вдруг ускорила шаги:

— А вон моя мама, это я ее с работы встречаю, — и она помахала рукой. полной женщине с круглой коробкой в руках.

Я остановился.

— Пойдемте, пойдемте, — она взяла меня за руку, — я вас с мамой познакомлю.

Она подвела меня к женщине:

— Познакомься, мама, это Алексей.

— Очень приятно, — мама отдала дочери коробку, в которой, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, оказался торт, а мне протянула руку:

— Евгения Николаевна.

Рука у Наташиной мамы была теплой и очень мягкой, а глаза — зеленые, как у дочери, и немного грустные.

— Ну что ж, Алеша, — продолжала она, — пойдемте к нам чай с тортом пить.

(— Впервые видят и в гости зовут, — удивленно подумал я, но упрашивать себя не позволил).

Наташа с мамой и младшим братом жили в большом деревянном доме на втором этаже. Наташа объяснила, что до революции этот дом принадлежал какому-то купцу.

Комнаты были светлые и просторные, казавшиеся еще больше оттого, что мебели было мало.

Вскоре к Наташе пришла подруга, приземистая и широконогая, на фоне которой Наташа выглядела еще красивее, и впятером мы сели за стол. После чаепития Наташа с Ирой (так звали подружку) пошли меня провожать. Сначала они проводили меня, потом я их, потом опять они меня, а когда наконец-то Ира ушла домой, мы с Наташей остались вдвоем. Мы долго гуляли по безлюдным улочкам. Оказалось, что Наташа работает пионервожатой в школе, собирается поступать в пединститут.

— На какой факультет? — поинтересовался я.

— На филологический.

— Да? Больше всего в школе я не любил литературу.

— Правда? — удивилась Наташа. — Разве можно не любить литературу?

— А почему бы и нет? К чему вообще изучать всех этих классиков? Помню, в девятом классе проходили мы «Грозу». Нам проповедовали: в смерти Катерины виноват общественный строй, виновато «темное царство», виновато то, виновато се. А я в сочинении взял и написал: «темное царство» здесь не причем, во всем виновата самая обыкновенная любовь. Мне двойку поставили, как будто я не прав.

Наташа долго смеялась. Потом посерьезнела:

— Ты, правда, так считаешь?

(Я не заметил, когда мы перешли на «ты»).

— Конечно,— убежденно воскликнул я.

— Почему же сейчас из-за любви никто не топится?

— А чего топиться? Взяли да разошлись.

— Ага! — торжествующе вскричала Наташа. Ты сам себе противоречишь. Значит, общественный строй здесь все-таки причем. А кроме того,— лицо у нее опять сделалось серьезным-серьезным,— любовь не бывает обыкновенной, любовь всегда необыкновенна. Хочешь, я прочитаю тебе письмо? Письмо мужчины к женщине... — и не дожидаясь моего согласия, начала читать.—... А потом, точно волна, которая покрывает с головой: несколько вечеров, напрасные сомнения, отчаянье, злоба, и вдруг, точно на гребне волны, этот Ваш звонкий, звенящий смех первого вечера, и моя неловкость, и Ваши открытые плечи, и розы, открывающие грудь... Ваши руки, овладевающие мгновенно всякой вещью, Ваши сияющие зубы и Ваши таинственные глаза, и эта неровность плеч и их застенчивость, и то, что Вы сразу просто приняли меня, когда я впервые взял Вас под руку, и наши улицы, и темная Нева, и Ваши духи, и Вы, и Вы, и Вы...

Наташин голос надломился, и она закончила шепотом, взглянула на меня заблестевшими глазами и улыбнулась чуть-чуть.

— Кто это написал? — почему-то тоже шепотом спросил я.

— Александр Александрович Блок, Оперной певице Андреевой-Дельмас—Кармен. Так он называл ее, потому что впервые увидел именно в этой роли. И едва ли он считал, что его любовь обыкновенна.

И без всякого перехода закончила:

— Мы пришли. До свидания. Захочешь — приходи завтра.

На следующий день я постоянно думал о Наташе и так был рассеян, что чуть не свалился с двадцатиметровой высоты, дав повод к насмешкам Женьки и Борьки.

— Отелло, кажется, влюбился, — подначивал Женька.

— А Дездемоночка-то ничего, — наивно предполагая, что острит, добавлял Борька.

Я ничего не отвечал, а в душе даже немного сочувствовал ребятам, ведь не им, а мне удалось узнать, какой необыкновенный, искренний, интересный человек эта девушка. Они заметили только стройные ножки, а я гораздо больше. Так что мне их насмешки?

Вечером я побежал к Наташе. И опять мы гуляли долго, и опять говорили, говорили. Правда, говорила больше Наташа, а я слу-

шал и не уставал поражаться тому, как много она знает, и понимал, что до нее мне расти и расти. Так же было и на третий день, и на четвертый. Со страхом я думал о предстоящей долгой разлуке (в кармане лежала повестка из военкомата). Я уже не представлял, как буду без Наташи, мне казалось, что знаю ее целую вечность, и сколько раз я благословлял судьбу, которая забросила меня в этот ничем непримечательный, доселе неизвестный мне поселок со смешным названием — Черногубово.

И вот наступил последний вечер. Я дал себе слово, что прощаясь, обязательно скажу Наташе, что люблю ее, попрошу меня ждать и, может, даже поцелую.

Мы договорились встретиться в семь, но я не выдержал долгого ожидания и побежал на час раньше.

Поднимаясь по деревянной лестнице, я несколько раз останавливался, умиряя дрожь в коленях, сердце колотилось, как бешенос.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Я только было собирался постучать, как услышал Наташин громкий голос. Не знаю почему, но я решил, что разговор идет обо мне. Понимая, что подслушивать нехорошо, я все-таки остался на месте и не постучал.

Наташиной собеседницей была ее подруга Ира. Когда говорила она, мне приходилось напрягать слух, а вот Наташин голос разда-

вался громко и отчетливо (у нее была отличная дикция):

— Он, конечно, парень ничего, но ведь тюфяк. А кроме того, куда мне нужен такой недомерок? Он же с меня ростом. Да вдобавок — очки на конопатом носу.

— Никто же тебя не заставляет с ним встречаться, не нравится — скажи прямо, зачем парню голову морочить.

— Ну знаешь ли, лучше такой, чем никакой. В нашем захолустье выбирать не приходится. Вот поступлю в институт...

Мои ноги приросли к полу. Я понимал, что надо уйти, и не мог. Не верилось, что говорит это Наташа, нежная, возвышенная, читавшая наизусть письмо Блока. Не верилось, что говорит обо мне.

А она продолжала:

— А он влюбился по уши. Я делаю вид, что ничего не замечаю, поглядим, что дальше будет. Нет, он, конечно, ничего, был бы только хоть ростом повыше. Ты знаешь, — она засмеялась, — а я тогда мимо них специально прошла, интересно было: который клюнет. Мне вообще-то другой больше понравился, Боря, на Алексея-то я и внимания поначалу не обратила...

Я больше не мог слушать. Сомнений не оставалось. Говорила Наташа и говорила обо мне.

Не помню, как я сбежал по лестнице, не помню, как оказался дома. И вообще, пришел в себя только в армии.

Появилась была мысль: Наташе письмо написать, а потом решил — не стоит. Тем более, что получил письмо от Женьки, который писал:

— Наташа теперь встречается с Борькой. Он, между прочим, поцеловал ее в первый же вечер.

24 ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ТАТЬЯНЫ

Все. Сын в школу выпровожен, мужа не бужу — явился вчера на бровях, время заняться собой. На плите кипятятся термо-бигуди, впервые за утро гляжусь в зеркало. Господи, ну до чего же страшна: под глазами припухлости, как с похмелья, лицо серо-зеленое, складки от носа и губ уже явно обозначились, а волос-то седых сколько! Да уж — 40 лет — бабий век! До «ягодки» не дожить. Так, бигуди вскипели, убавляю огонь — ставлю кофе. Бигуди в волосах — кофе готов. Хорошо! 5 минут за все утро, когда я наслаждаюсь. Пью, не спеша, горячий кофе и смотрю «120 минут». Черт, опять красавиц показывают — не то «Мисс-Красота», не то «Миссис-Очарование». Издеваются, что ли? В наши молодые годы таких конкурсов не было. Да и были бы — неужели в ту пору кто-то бы рискнул нагишом на всеобщее сбозрение выставиться? Боже, какие шикарные манто на их плечи накидывают! А я лет двадцать мечтаю о шубе. Только денег подкоплю, как они тут же дорожают. Для меня шуба, что коммунизм, который, в свою очередь, с горизонтом сравнивают.

Кофе выпит. Пришла очередь творческой работы — будем рисовать лицо. Так. Тональный крем, хоть и не французский, но шероховатости, свойственные возрасту, чуть заглаживает. Недавно серое лицо матово заблестело. Чуть-чуть румян на щеки, тени на веки — опять же в меру, глаза подвела, ресницы подкрасила, губы поярче выделила. Деловой костюм надела, бигуди сняла, причесалась. Встала перед зеркалом: живот втянуть, плечи расправить, грудь вперед, походка — от бедра. Ох, хороша баба! 40 лет — бабий век! И до «ягодок» доживем! Победная улыбка и — вперед!

На троллейбусной остановке, как всегда, куча народа — лица хмурые, глаза злые. Минут через десять приползает развалюха. Готовься, Татьяна, к штурму! Так, вроде, все пуговицы на месте, а я — в троллейбусе. Мужики сидят, женщинам, как всегда, места не хватило. Хоть бы одна сволочь уступила — не мне — вон бабуся стоит. Нет, мужчины уже с утра усталые. Вдруг слышу:

— Садитесь, пожалуйста.

Обомлела: неужели мне? Мне, оказывается. Сейчас приставать начнет. Господи, да он с утра уже пьяный. Поэтому и место уступил, от трезвых не дождешься.

На работу, как всегда, опаздываю. Вбегаю в кабинет, раздеваюсь. От самого молодого коллеги слышу:

— Танечка, вы прекрасно выглядите.

Надо же, парню 25, а всегда догадается комплимент сделать. Настроение поднимается, но тут вызывает шеф. Все! Сейчас опять придется отчитывать за опоздание. Виновата я, что транспорт так ходит? Ему что — он на машине ездит. Да разве объяснишь?

Что-то он сегодня веселый.

— Танюш, хочешь подработать?

Еще спрашивает! Когда же я от лишних заработков отказывалась, особенно сейчас, когда благоверный уже полгода работу ищет, а пока на моей шее сидит. Ага, все понятно: он меня в соавторы приглашает, знает, что у Татьяны перо легкое. Ничего, попашу на шефа. Он — мужик порядочный, не обсчитает. Ему слава, мне — деньги. Еще в командировку предлагает вместе с ним съездить. Помоему, он ко мне не равнодушен, но до поры держит дистанцию. Ладно, поживем — увидим. Но от командировки отказываюсь, поскольку сына мужу не доверяю. Прошусь работать без обеда, чтобы уйти пораньше. Разрешает.

Часа в два звоню домой. Сын уже пришел.

— Привет, зайка, как дела?

— Ругать будешь...

— Опять двойка?

— Ага...

— По математике?

— Ага...

— Господи, в кого ты такой бестолковый?!

— Я же говорил — ругать будешь...

— А я что, хвалить должна? Где папа?

— Не знаю.

— Ты ел?

— Нет еще.

— Ешь и садись делать уроки.

Кладу трубку. Суп, конечно, есть не будет, уроки сделает кое-как и гулять убежит. А этот опять, наверно, пьянствовать ушел. Не работу же искать.

Настроение падает, все из рук валится. Иду к шефу:

— Можно, я работу домой возьму?

И что с ним сегодня? Разрешает. Еще сочувственно в глаза заглядывает:

— Неприятности дома?

Слезы вмиг подступают — не часто нам сочувствуют. Но слезам пролиться не позволяю — тушь отечественная, такого испытания не выдержит. Машу рукой и иду собираться домой.

С этого момента вдруг начинает везти. Троллейбус подходит почти пустой, мне даже место достается. Много ли для радости надо? Настроение уже на долю градуса поднимается. Мужчина в шляпе смотрит на меня, не отрываясь, причем, весьма одобрительно. Конечно, ему лет 60, но все равно приятно. Еще на полградуса вверх.

По дороге к дому по инерции забегаю в ближайший магазин, ничего не надеясь купить. О, радость! Дают сливочное масло, и талоны у меня с собой! И очередь небольшая! Кассирша предупреждает: «Масло кончается». Стою чуть живая: «Хватит—не хватит?» Хватило! Ура! Полмесяца без масла сидели, а тут враз три талона отоварила, да не каким-то бутербродным, а крестьянским. Много ли нынче для счастья надо? Лечу домой, как на крыльях.

Сына дома нет, мужа тоже. А я и рада. Полчасика можно отдохнуть. Опять варю кофе (ото всех радостей жизни уже отказалась, а от кофе не могу, благо, хоть он пока что почему-то продается). Пью кофе, просматриваю газеты. Боже ж ты мой, что творится на белом свете! Ну, хоть бы одна газета взяла да про какого-нибудь хорошего человека, что ли, рассказала, как в старые добрые времена. Неужто их не осталось совсем? Нет, пора переставать читать газеты—переходить на классику. То, что у нас все плохо, я и без газет

шаю, а классики на вечные темы писали, которые и после перестройки останутся, вот о чем думать надо. Но вообще-то жить стало страшно — никакой уверенности в завтрашнем дне. Может, и хорошо, что я шубу не купила? Убили бы еще из-за нее где-нибудь. Так-то спокойнее.

Все! Пора приниматься за дело. Сижу — пишу, а мозги одна мысль свербит: что на ужин приготовить? Кашу? Молока нет, и купить негде. Картошку сварить? Так мой капризный сын без «ничего» есть не будет. Он не понимает, что раз перестройка, так надо пояса потуже затянуть, ему бы котлетку или сосиску, а где я их возьму? Яичницу сделать? Ох, так ведь ни одного яйца не осталось, талоны за два месяца не отоварены. Курицы, что ли, бастуют? Надо же, в застойные времена неслись, а перестройку не признают. Вспомнила! У меня же в морозилке пельмени есть. Растительные называются. Внутри у них мясо пополам с картофелем. Правда, мясо-то и в мясных не бывало, но сын мой, как ни странно, эти эрзац-пельмени ест. У него вообще — извращенный перестроечный вкус. Как-то икру по случаю достала, так он нос воротил, а такую дрянь ест. Ну, ладно, выход найден, можно спокойно работать.

Сын является с прогулки потный и грязный и сразу же включает телевизор. Я ору:
— Лучше бы книжку почитал!

Огрызается:

— Не ори!

Ну и оболтус растет. А много ли я ему времени уделяю? А когда? Отказываться ото всех приработков? Так ведь по миру пойдем.

Беру себя в руки. Сажусь рядом с сыном. Глажу по голове, целую:

— Математику сделал?

— Сделал.

— Покажи.

Опять все переврал. Снова завожусь:

— Раз такой бестолковый, гулять больше не пойдешь и телевизор не дам смотреть.

Сын плачет. Становится его жалко. Господи, он-то чем виноват, что мать издерганная, не может с ним спокойно позаниматься и объяснить, что непонятно.

Кое-как разбираемся в математике, ужинаем, смотрим программу «Время». Когда сын ложится спать, я снова сажусь работать.

За полночь приползает пьяный муж. Заплетающимся языком сообщает, что нашел работу. Наверняка врет, чтобы я не ругалась. А у меня и сил на ругань нет.

Спать иду к сыну.

В 7 утра звонит будильник, и начинается утренняя круговерть.

Все. Сын в школу выпровожен, муж храпит в соседней комнате, я наконец, смотрюсь в зеркало: «Господи, до чего же страшна...»

ОБ АВТОРЕ

Думаю, не ошибусь, если предположу, что читатель будет несколько удивлен, взяв в руки эту книжку. До сих пор он знал Ирину Баринову, как мастера тонкого лирического стиха. «Незабываемое» (1979), «Тайна красоты» (1985), «Птицы любви» и «Осенний снег» (1990) — поэтические сборники этого автора, главными темами которых стали внутренний мир, чувства и переживания самой поэтессы, ее раздумья о человеке и его месте в жизни. От сборника к сборнику рос талант, расширялся круг тем Ирины Бариновой, ее общественно-политический горизонт.

Перелистаем выпущенный более десяти лет назад Верхне-Волжским книжным издательством первый сборник поэтессы «Незабываемое». Перечитаем стихи, которые, если судить по тому, что автор включала их и в последующие сборники, по-особому дороги ей, выражают в какой-то мере ее жизненную позицию. убеждения.

Когда-нибудь судьба сведет друг с другом,
Чтоб в горести минувшей помолчать.
И, как всегда, мою возьмешь ты руку,
Чтобы, над ней склонясь, поцеловать.
И, растерявшись, спросишь через силу:
«Ждала меня?» — «Наверное, ждала...»
«Простила?» — «Ну, конено же, простила...»
Легко прощать, когда любовь прошла.

Или (уже из следующего сборника «Тайна красоты»):

Вошел в квартиру, как чужой,
Не сняв плаща, застыл у двери:
«Прости... Я уйду к другой...
Люблю... Сначала сам не верил...»

Зарифмованный быт, поэтические стветы на «вечные» вопросы, которые от имени женщин-одиночек сама себе задает автор, советы несчастным распадающимся семьям... Все это согрето сопереживанием автора с поэтическим героем (а чаще всего — героиней), стремлением поэтессы не только объяснить, но и попытаться облегчить душевные муки человека, вдруг оказавшегося в сложной житейской ситуации. Впрочем, на поверку не так уж и сложна оказывается чаще всего эта ситуация:

А ссора вспыхнула нечаянно.
(Был ты не прав? Я не права?)
О, как бросали мы отчаянно
Друг другу горькие слова.
И ты, обидой орошенный,
Не поднимал угрюмых глаз.
А я уж думала встревоженно:
«Ничто нас не спасет сейчас,
Ну, и пускай, пускай, как хочет он!»
...Но закричал, прослувшись, сын,
И мы сложились озабоченно
С тобою тотчас же над ним.
Малыш протягивал ручонки нам
И сам того не понимал,
Что нашу ссору перечеркивал.
...Как вовремя он закричал!

А теперь возьмем сборник «Птицы любви», выпущенный в Москве в 1990 году редакцией международного предприятия «Пацифик Юнион Инвестмент Корпорейшн»:

Стало модным словом милосердие,
Стало модной темой покаяние,
Толковать о боге и бессмертии
Примемся мы скоро на собраниях.
Только мода — дамочка капризная,
У нее характер переменчивый.
Что потом-то будет нами признано?
Станем мы внимать чему доверчиво?

Искренность по ветру не полощется,
Не колотит в грудь себя с усердием.
И живет не в «фондах» и не в «обществах»
Истинно святое милосердие.

Или:

Покаявшимся надо верить!
Но, может, верить погодим?
Ведь тот, кто раньше лицемерил,
Едва ли сразу стал другим.

Да, нынче модно быть героем,
Рубить разманисто, сплеча,
Клеймя позором век застоя
И Леонида Ильича.

А что хвалил его когда-то,
Так нет неловкости в душе.
Ведь в этом время виновато,
А мы покаялись уже.

Чувствуете, как расширился поэтический и общественный горизонт автора? Короче говоря, избрав своим поприщем поэзию, Ирина Баринава добилась здесь определенных (и немалых) успехов. И вдруг — проза. Но так ли неожидан этот внезапный переход от поэзии к прозе? Вспомним, молодой Иван Бунин, для которого поэзия, литературный труд представлялись как единственно надежное убежище от «ужаса» и «низости» окружавшей его жизни, утонченный поэт, увлекавшийся экзотическими картинами Индии, античностью, библейскими мотивами, вдруг взял да и написал в прозе «пахнущую перегноем и прелыми лаптями», по словам известного литературного критика Вацлава Воровского, повесть «Деревня».

К прозе обращался даже первый поэт России, для которого мир поэтических образов был, несомненно, куда родней, ближе, привычнее, наконец, чем деловая, рабочая проза. Подобные примеры можно продолжать и продолжать.

Не буду оценивать здесь прозу Ирины Баринавой, читатель сделает это сам, познакомявшись с новой ее книжкой. Замечу только, что поэт пишет все-таки не

совсем так, как «чистый» прозаик. Попробуйте читать рассказы Барминовой вслух — и вы сразу почувствуете в них тот поэтический ритм, ту музыку прозы, которая характерна именно для этого автора.

В заключение несколько слов об авторе. Ирина родилась в поселке Петровское Ростовского района Ярославской области. Закончила там среднюю школу, работала потом заведующей клубом, пионерской вожатой, сельской учительницей, воспитателем в детском саду, была на комсомольской и профсоюзной работе. Училась в Ярославском педагогическом институте, в 1987 году закончила литературный институт имени А. М. Горького.

Стихи пишет со школьных лет, первые публикации относятся к 1973 году. Печаталась в областных газетах, журнале «Волга», еженедельнике «Литературная Россия», многих других центральных изданиях, а также в коллективных литературно-художественных сборниках. Сейчас работает в редакции ярославской областной газеты «Голос профсоюзов», ведет раздел литературы, искусства и культуры.

Как и всякий способный, талантливый человек, Ирина и в газетной работе нашла свои темы, круг проблем, которые волнуют ее и просто как журналиста и как нашего современника, свидетеля нелегких перестроечных времен.

Юрий БЕЛЯКОВ,
редактор газеты «Голос профсоюзов».